

Николай ОБЧИННИКОВ:

Москва переживает стресс от пустоты

Введение — 2002 — 25 марта — С. Н.

— Почему вы решили вернуться в Москву из Парижа — вы ведь жили там несколько лет?

— Я там «завис» на какое-то время. Сумасшедшая любовь к русскому искусству на Западе стала сходить на нет. В Париже стало немодно быть русским художником. Начали случаться какие-то странные истории — к примеру, некая тетенька взяла и сдала дом по частям русским художникам, вывозя каждую неделю на продажу грузовиками картины и не платя налогов... Вообще, пора было возвращаться домой.

— Возвращение в Москву как-то повлияло на вашу карьеру?

— Здесь искусство переживало кризис — то, что называется теперь феноменом искусства девяностых. Одна моя карьера закончилась, началась другая. Я вспомнил свою первую профессию — сценограф — и стал помогать Мюриэль проводить презентации, выставки. Это оказалось достаточно интересно.

— Что из написанного в Москве в этот период вы вспоминаете с удовольствием?

— У меня есть историческая картина — «Явление черного квадрата на Белом доме». Это написано — когда начали обстреливать Дом правительства (это было в день нашего с Мюриэль приезда в Москву, 4 октября 1993 года), первые минуты это был действительно «черный квадрат». Это потом, когда пожар стал распространяться, он расплылся... Как сейчас помню все эти картины: дядька дачного вида ходит за танком и хозяйственно прибирает ящики от снарядов; солдат-афганец с автоматом, в кроссовках и с сигаретой, палит в никуда; праздничная, нарядная публика...

— Как вам, как москвичу и художнику, архитектурные приобретения последних лет — то, что называют «лужковской» архитектурой?

— Для Москвы это не смертельно. Деревенский урбанизм, «базар-вокзал» — для нее это нормально. Эта куча казусов и есть ее идентичность. Что касается грандиозных строек последних лет, я бы сказал, что в городе наконец закончился период тотального евроремонта. Работали-работали, перевели дух и оглядели помещение с белыми стенами, в котором вдруг оказалось чудовишно пусто. То, что сейчас ощущается в городе, — это стресс от пустоты, ощущение ужасной растерянности и, я бы сказал, некоторое изумление перед содеянным.

— Это вы про центр?

— И про спальные районы тоже. Мне кажется, в Москве сейчас главная проблема, как и во всей стране, объективная — дорогие кредиты. Поэтому все строят наспех, не соблюдая никаких технологий. Мы недавно побывали в Бутове — районе, задуманном как «люкс». Заметно, как он уже превращается в трущобы, ветшает на глазах, хотя прошло всего пара лет после застройки.

— Вы работаете вместе с Мюриэль, общаетесь с московской бизнес-средой. Как впечатления?

— Мы научились обращаться с понятием «тендер». Как только нам говорят: «У нас тендер», мы спрашиваем: «Тендер на что? На такой-то проект или на откат?» Если люди смущаются и мнутя, тогда сразу все становится ясно. Если реагируют нормально — значит, можно продолжать работать.

— Вы выполняли когда-нибудь заказы для мэрии?

— Был несколько лет назад случай, когда к нам пришли и предложили поработать над созданием имиджа Москвы. Но там как раз был тот самый случай, когда дальше первого предложения дело не пошло. Пришлось отказаться — зачем участвовать в конкурсе, где совершенно искажена вся система принятия решений. А жаль: имидж — как раз наша специальность. Мы даже как-то придумали логотип для московского Комитета по культуре — на основе герба Москвы. Получилось красиво. Наверное, где-то до сих пор лежит у них в столе.

Анна ФИЛИМОНОВА

